

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

Тем временем в Граце скончался старый граф Дитрихштайн. Его внушительное состояние отошло *ab intestate*² к графу Адаму Штернбергу и его обеим сестрам, графине Зальм и графине Луизе Штернберг, проживавшей в монастырском приюте для дворян в Праге. Граф Зальм предложил мне поехать с ним и его женой в Вену, а оттуда вместе с графом Адамом Штернбергом в унаследованные им венгерские поместья. Поскольку я был совершенно не занят, я согласился, поехал в Прагу и оттуда в марте месяце в Вену. Я надеялся проездом увидеться с братом, который служил в гарнизоне близ одной венгерской деревни в нескольких милях от Рааба: однако случайные обстоятельства воспрепятствовали свиданию, которое состоялось позднее в Прессбурге. После того, что я видел в Италии, пребывание в этом малонаселенном, культурно сильно отсталом по сравнению с другими странами, особенно в равнинной части, краю показалось мне весьма своеобразным. Дорога от Офена и Пешта до Хосцупаля, лежащего недалеко от румынской границы, через необозримые пустоши и займища в районе Тайса, когда при распутице шесть часов подряд видишь перед собой колокольню следующей станции, не могла мне понравиться; а еще меньше – угощение в простом доме с прибитыми к полу столами и скамьями, где, правда, были огонь и вода для варки, но ничего съестного, была солома, но никакой кровати. Все же в молодости и в хорошем обществе при любых обстоятельствах находишь смешную сторону; мы подтрунивали друг над другом попеременно и были в хорошем настроении при голодных желудках. К увеселениям нашей сельской жизни принадлежала охота на волков, на которую явились до 300 загонщиков со всей округи, и пять венгерских дворян на лошадях, как вассалы своего магната, загонщики, одетые в

черные короткие меха (губа) и вооруженные палками-трещотками. Погода была неблагоприятной и капсюли еще не изобретены, поэтому подстрелили мы только 1 волка, 12 лисиц, 1 сову и 1 зайца.

При проезде через Вену, где мы задержались на какое-то время, мне вновь пришла мысль приобрести себе занятие в Регенсбурге и подготовиться к будущей должности посланника в Рейхстаге. Я поговорил об этом с графом Филиппом Кобенцлем и выразил желание получить разрешение попрактиковаться в богемской миссии. Но он отговорил меня от этого, поскольку в образе мыслей императора совершенно не предполагалось допускать духовных лиц к светским должностям. Итак, я вернулся в Прагу и оттуда назад к моим родителям, где провел, за исключением короткой поездки в Регенсбург на *Peremptorium* Петра и Павла³, весь остаток года. Чтобы найти себе занятие в свободное время, я принялся за изучение лесоводства. Мои родители дали разрешение обмерить леса имения инженерам братьям Ирасек (*Jirasek*), из которых старший занимался между делом ботаникой и минералогией. Однако я ограничился при этом местными лесными растениями и их выращиванием.

К началу зимы оба моих брата прибыли в отпуск, чтобы посетить родителей, и в конце января 1785 года мы втроем поехали в Прагу, где в последний раз провели вместе четыре недели. Старший из моих братьев, который любил касту военных и надеялся в ней продвигаться, хотя и жаловался на уединенность своего месторасположения в венгерской деревне, но сносил ее терпеливо. Мой второй брат, которому военная муштра, как таковая, и в мирное время, и во время учебы казалась невыносимой, уже решил выйти в отставку, что и сделал в том же году. Время удовольствий пролетело очень скоро, и когда я прощался, то

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. Российский палеоботанический журнал. - Т. 7. – С. 59–63; т. 8. – С. 53–61.

² Согласно завещанию (*лат.*).

³ День Святых первоверховных апостолов Петра и Павла – христианский праздник (*Ред.*).

не подозревал, что не увижу более самого старшего брата.

Возвратившись назад к родителям, я получил сообщение, что тот самый каноник, который два года назад занял мое место в капитуле, теперь открыл его для меня своей смертью, поскольку я достиг своего 24-летия. Хотя меня радовала возможность добраться до самостоятельного существования, все же этот шаг, связывающий меня на всю жизнь с необходимостью продвигаться по духовной стезе, не оставил меня равнодушным. Я написал об этом своему самому старшему брату, который привычным образом напомнил мне о своих суждениях об этом. Итак, в июне 1785 года я поехал в Регенсбург, принял сан субдьякона (Subdiaconat) и во время Peremptorium был введен в капитул. Мои родители поддерживали меня в том, чтобы взять себе один из домов капитула, весьма удачно расположенный на берегу Дуная; мое небольшое домашнее хозяйство было создано, и я стал, как принято говорить, сам себе господин. В здешнем обществе случилось некоторое изменение: граф Траутмансдорф был переведен в Брюссель, и на его место прибыл граф Зайлерн, жена которого, урожденная герцогиня Ауэрсберг, была очень любезна. Среди молодых людей при австрийской миссии выделялся граф Лудольф, остроумный, оригинальный человек, родившийся и воспитывавшийся в Константинополе, где его отец был неаполитанским посланником. Здесь же я познакомился впервые с семейством Диде.

Вернувшись в начале 1786 года из одной поездки в Богемию, я, чтобы получить для себя определенные занятия, поступил на службу к епископу Регенсбурга в качестве неоплачиваемого надворного и камерного советника и взял на себя отделение в Форстзаксене, пока не освоюсь в остальных административных делах. В светской жизни я следовал моему утраквистскому существу в домах Зайлерна и Хохенталя, где собиралось самое приятное общество, и проводил лучшее время года у знакомых за городом, не обращая особого внимания на считавшуюся важной говорильню в Рейхстаге.

В это лето произошел случай, который повлек за собой важные последствия. Приезжий священник из Мюнхена по имени Ланц на прогулке под липами был убит молнией и принесен в таверну «У черного медведя», где проживал. Поскольку он был священником, консистория опечатала помещение; но вскоре после этого появилась баварская миссия, которая находилась в вечном споре о юрисдикции с епископатом, соборным капитулом и городом, и приложила рядом свою печать. После долгих споров, в конце

концов полюбовно согласились на совместное вскрытие двери, и – надо же! – священник Ланц оказался посланником мюнхенских *иллюминатов*⁴. Среди его бумаг найден был список всех лож иллюминатов всей Германии. Полетели эстафеты во все части света, и преследование иллюминатов в Баварии, в котором большую роль сыграл патер Франк⁵, началось. Вайсгаупт⁶ бежал из Ландсхута в Регенсбург.

Я договорился с графом Турном и графом Зайлерном о поездке в Швейцарию. Мой брат Иоахим, который и на военной службе продолжил свои минералогические и химические штудии и теперь занят не был, присоединился к ней. 3 июля 1786 года мы уехали через Мюнхен, Мемминген, Линдау и Брегенц. Об этом путешествии я вел подробный дневник, откуда хочу привести один анекдот. В Цюрихе, где я познакомился с обоими братьями Лафатер, доктор Каспар Лафатер специально занимался магнетизмом. И как раз имел на лечении сомнамбулу (Клеофею Шарфенбергер), которая сама себе предписывала лекарства, в состоянии сна читала письма, которые ей клали на тело, и т.п. Я выразил желание поприсутствовать на подобном эксперименте. Доктор Лафатер привел меня к больной, и я с напряженным вниманием готовился

⁴ Тайное общество («орден»), ставившее своей целью совершенствование человеческой природы и достижение счастья человечества в духе идеалов французского Просвещения. Основано в Баварии профессором Ингольштадтского университета Адамом Вайсгауптом (см. ниже). Первоначально ядро общества («ареопаг») состояло из 9 членов, большинство из которых были чиновниками. Каждый из них самостоятельно распространял идеи ордена и привлекал новых членов. К 1781 году были выработаны основные положения, инструкции и символ веры ордена. Декларировалось, в частности, что орден не имеет целей, которые могли бы нанести вред государству, религии и общественной нравственности. Его задачи – проповедь нравственного самоусовершенствования, распространение идеалов гуманности и справедливости, защита несправедливо преследуемых и угнетенных, поддержка достойных людей, распространение полезных знаний. Организованные подобно ордену иезуитов, иллюминаты пользовались популярностью и завели многочисленные влияния связи в Австрии и германских княжествах. Подробнее см., напр.: История масонства. – Смоленск: Русич, 2002. – С. 115–125 (Ред.).

⁵ Фанатичный католик, воспитанник и поклонник запрещенных в то время иезуитов, придворный духовник курфюрста Карла-Теодора Баварского. Во имя «религии Христовой», «пользы Отечества» и «спасения юношества» добился издания указа Карла-Теодора от 22 июля 1784 года, предписывавшего закрыть все ложи масонов и иллюминатов на территории герцогства (Ред.).

⁶ Адам Вайсгаупт (1748–1830) – основатель и главный идеолог ордена иллюминатов (Ред.).

Адам Вайсгаупт

услышать, как она прочтет богемское письмо, которое было у меня в кармане. Только чем чаще я приходил, тем беспокойнее и слабее была больная, так что, как полагал врач, от нее нельзя было ожидать никакого напряжения; богемское письмо так и осталось непрочитанным. — И хотя в эту поездку мой брат снова вовлекал меня в минералогию, это меня не занимало — час мой еще не пробил.

В Вардеке на Боденском озере я узнал от почтенной матери графа Турна, что ее сын, который добрался до нее раньше, из-за вестей о тяжелой болезни старого епископа, графа Фуггера, срочно отбыл в Регенсбург. Я последовал туда за ним на следующий день. И хотя мы застали епископа еще живым, все же вскоре он скончался в следующем году (1787, 15 февр.).

В Регенсбурге царил сильное возбуждение партий и всех сословий. Преследование иллюминатов привлекло большое внимание; Вайсгаупт, как один из гонимых, чья вина еще не была доказана, вызвал интерес даже среди миссий. В наше отсутствие пришли к несчастливой мысли создать читательский клуб, в который был принят и Вайсгаупт. Принимали не спрашивая, есть ли желание вступить. Честь эта была оказана также мне и графу Турну. Когда по возвращении мы узнали об этом, клуб уже распался благодаря усилиям имперского комиссара графа Лербеха и баварского посланника графа Лерхенфельда.

Подготовка к выборам епископа привела меня, новичка в политических делах, в изумление. Голос одного из имперских герцогов тогда еще казался очень важным; обе противоборствующие Согога⁷ насильственно вторгались в, по сути, духовное дело. Два кандидата, настоятель собора граф Турн и граф Штубенберг противостояли друг другу при равном числе голосов. Я был личным другом графа Турна, который значительно превосходил своего оппонента, кстати, доброго и безупречного человека, умом и способностями. Поэтому по внутреннему убеждению и независимо от всех сторонних влияний я решил голосовать за графа Турна и не позволил ввести себя, как австрийского подданного, в заблуждение всеми, даже далеко идущими средствами, чтобы отдать голос за графа Штубенберга. Слишком большая назойливость, которая весьма близко подходит к насилию, почти всегда не достигает своей цели, особенно у юности, которая охотно дает себя направлять, но не позволяет вести, и где испытываемая духовная потребность, возбужденное чувство легко могут вырасти до воодушевления. Развязка этой упорной борьбы, в которой принял участие весь Регенсбург, была предсказуемой: *fra dui litiganti il terzo gode*⁸. Сформировалась третья, баварская партия, которая выставила нового кандидата. Им стал пожилой настоятель собора с незапятнанной репутацией, который из-за своей уединенной частной жизни был мало известен и не связан с каким-либо предвзятым мнением. Теперь обе партии объединились, и граф Терринг единогласно был избран епископом (20 апр. 1787).

Опыт, который я имел возможность приобрести на этих выборах, снова показал мне людей, действующих из страсти, в неприглядном свете. Я предвидел, что теперь полностью сформировавшиеся партии в капитуле собора будут противостоять друг другу и во всех остальных делах, из-за чего в повседневной жизни должны будут произойти многие неприятности. Улучшение человеческого рода, которому учил Вайсгаупт, казалось мне очень желательным. Я сожалел только, что оно не появилось на повестке дня лет 50 назад. Трения из-за Вайсгаупта продолжались. Весь Регенсбург был опутан баварской полицией и военными, чтобы схватить его. Несмотря на это, позднее, благодаря расположению одного из посланников, он был незаметно вывезен из города и в безопасности доставлен в Готу. При таких обстоятельствах я держался несколько в стороне и находил приятные развлечения в семействе

⁷ Здесь: политические группировки (лат.).

⁸ Пока двое спорят, третий этим пользуется (итал.).

бывшего датского посланника в Англии барона Диде, где каждый день собиралось избранное общество.

В июне месяце 1787 года граф Турн сделал мне предложение, которое я принял с радостью, – сопровождать его в Париж после *Peremptorium*'а; барон Диде, у которого там тоже было одно дело, присоединился к нам. В начале июля мы проследовали через Франкфурт и Цигенберг в Ветерау, одно из загородных имений барона Диде, и через несколько дней оттуда через Страсбург – в Париж, куда прибыли 15 августа. Три дня спустя парижский парламент был распущен из-за отказа утвердить территориальный налог. Момент был интересным; в столице царил большое возбуждение, много говорилось о дефиците, о созыве аристократии: лишь оппозиция, хотя довольно организованная, еще не втянула народные массы в интересы партий. Возникли даже сходки у *Palais Royal*⁹, но патруль из 24 швейцарцев прибыл туда, чтобы их рассеять. Тогдашнее волнение считалось бы теперь «полным спокойствием». Слышалось только о необходимости осуществить с помощью аристократии в согласии с сувереном прекращение злоупотреблений и разговоры о введении более совершенной финансовой системы. Первые признаки революции были прикрыты снаружи щитом истинных улучшений, которые казались действительно необходимыми, и вполне возможно последовали, если бы личная выгода и партийные страсти не встали между ними. Я не подозревал во всем, что там видел и слышал, ничего плохого, наоборот – радовался прогрессу человеческого духа, вернулся назад с головой, полной идей об улучшениях, и принес их с собой в Богемию, где они, однако, не встретили сочувствия.

Здесь царил большое недовольство, особенно среди знати и духовенства, и брожение во всех сословиях. Во время своей поездки в Париж император Иосиф II почерпнул у физиократов и записал много новых идей. Но поскольку при большом природном уме и высокой обходительности в светском обращении он не обладал деловыми знаниями и, не доверяя никому, хотел сделать все сам в невозможно короткое время, не обращая внимания на нравы и происхождение, например, составить общий кадастр всех наследуемых земель за два года или сплавить четыре нации в одну единственную, то он вызвал всеобщее недовольство, так и не достигнув своих целей. Он не только закрыл множество аббатств и монастырей и запретил нищенствующим монахов, но и изъял множество доходов. А поскольку

он ничего не смыслил в искусствах и науках, то при закрытии аббатств начался такой вандализм, как при распродаже древнего рудольфовского собрания произведений искусства в Праге через одного придворного печника (*Hofffourier*). Тот продал статую Иллионеуса, являющуюся сейчас украшением Мюнхенской глиптотеки, одному каменотесу за 18 флоринов. Свидетельствующее о том же размещение в королевском замке в Праге одной из артиллерийских казарм, так что ни один богемский король больше не должен был жить там, возмутило всю страну. Принудительное переселение из дворянской женской богадельни в Новом городе в Императорский женский приют на Градчанах, из которых первая, являвшаяся частной собственностью, была превращена в дом призрения для глухонемых, раздражило дворян. Таким путем распространялось недовольство сувереном, который хотел добра, стремясь к нему с нарастающим абсолютизмом и беспокойной поспешностью. Науки, несмотря на незначительную поддержку, развивались сами по себе, когда на их пути не ставили преград и было много ученых людей. Врач Иоганн Майер и аббат Добровский¹⁰, оба известные своими сочинениями, перебрались при поддержке фон Борна¹¹ в Вену, и многие им последовали. Образовалось

¹⁰ *Йозеф Добровский* (1753–1829) – выдающийся чешский лингвист, литературовед, фольклорист, историк и просветитель, один из виднейших деятелей Чешского национального возрождения. Обычно считается основателем славянского языкознания как науки. Заложил основы изучения старославянского языка. Осуществил кодификацию чешского литературного языка. Был одним из первых иностранных исследователей «Слова о полку Игореве» (Ред.).

¹¹ *Игнац фон Борн* (1742–1791) – богемский дворянин, естествоиспытатель и юрист, основатель и многолетний глава масонской ложи «К истинному единению». Изучал юриспруденцию и естественные науки в Парижском университете. В рамках своей масонской деятельности обратился к новым формам научного сотрудничества. С этой целью основал, был первым президентом и издателем трудов «Приватного Ученого общества», которое вскоре переросло в «Королевское богемское научное общество». Как ученый занимался больше всего минералогией и горным делом. В 1786 году основал «Горное общество», члены которого происходили из 13 стран Европы и Америки – первое в мире международное научное общество. В него, в частности, входил И.В. Гёте. И. фон Борн предложил усовершенствованный метод добычи благородных металлов, введенный императорским декретом по всей территории Австрийской империи. Композитор В.А. Моцарт посвятил И. фон Борну свою известную кантату «Радость масона». Подробнее см., напр.: *Блаукопф К.* Пионеры эмпиризма в музыкальной науке. Австрия и Богемия – колыбель социологии искусства. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2005. – С. 30 и сл. (Ред.).

⁹ Резиденция французских королей в окрестностях Парижа (Ред.).

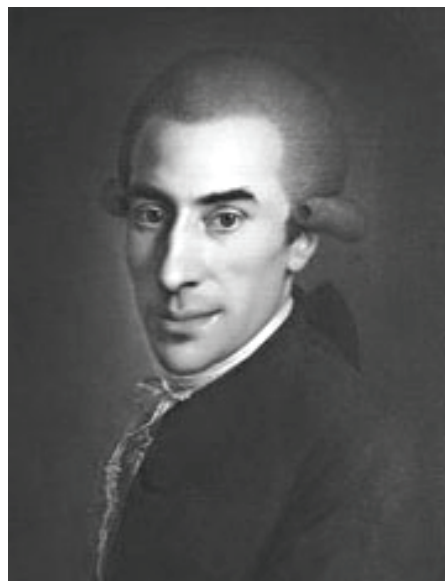
первое частное общество, ставшее позднее под эгидой бывшего обербургграфа князя фон Фюрстенберга Богемским научным обществом. Когда я был в Праге, я подолгу жил у Иоганна Майера, где каждый вечер с 8 до 10 часов собирались ученые люди из всех сословий; особенно полезное влияние он оказывал на учащуюся молодежь.

В то время как внутри австрийской монархии, особенно в Венгрии, росло недовольство, трения сначала с Голландией из-за судоходства на Шелде, а затем, после путешествия в Херсон с Екатериной Великой, поставили императора Иосифа в такие отношения с турками, что можно было ожидать близкого начала войны. Теперь то, что я слышал и видел в Париже, в первый раз обратило мое внимание на политическое положение Европы, о котором я до того ничего не знал. Такое общее развитие не могло, однако, остаться без последствий; но тогда я был еще далек от предвидения последовавших затем шагов и влияния духа времени.

В ноябре (1787) я вернулся в Регенсбург, куда как раз приехал также мой дядя, граф Иоганн Штернберг, каноник в Пассау и Регенсбурге, и жил в моем доме. Барон Райнхард Вернек, который служил в одном полку с моим вторым братом, и его брат Александр граф Бройнер из Вены и барон Фраунберг, смотритель соборных подвалов в Регенсбурге, поселились там же. Очень скоро мы подружились, и зима прошла как обычно и во многом в доме барона Диде.

1788

Тем временем во Фрайзинге, где я был еще смотрителем соборных подвалов, умер епископ. Из коллегии был избран его преемник, и наступила моя очередь вступить в капитул. Выборы, на которых я присутствовал, состоялись без затруднений в пользу графа Теринга, епископа Регенсбурга и в то же время соборного настоятеля во Фрайзинге. Теперь я вступил в капитул и одновременно в первую резиденцию, которая разрешена была этим органом. Фрайзинг, маленький городок, был очень красиво расположен и находится всего в 4 милях от Мюнхена, но не сулил никаких светских развлечений, поскольку, кроме членов соборного капитула, придворного штата епископа и членов трибунала (Dikasterien), никто там не жил. Поэтому я был очень рад, когда епископ тут же произвел меня в надворные и камерные советники, благодаря чему я приобрел некое занятие. Епископство и капитул глубоко увязли в долгах и в течение 20 лет находились в непрерывном противостоянии. Я постарался сформировать лучшую администрацию. Но, поскольку это было невозможно без реформ, а они

Игнац фон Борн

вызвали сильную оппозицию, которую я не мог преодолеть из-за отсутствия сильной поддержки, мне пришлось отступить. В то же время я добился для себя доступа в пыльную, но все же богатую древними сокровищами библиотеку соборного капитула, которую затем часто посещал никем не тревожимый вместе с надворным советником Хохенайхером. Вскоре я привык к этому новому образу жизни; но, поскольку целый год для первой резиденции, из-за чего я потерял бы свой доход в Регенсбурге, показался мне слишком долгим сроком, я предпринял попытку выкупить 6 месяцев этого времени. Это удалось, и тогда я вернулся в Регенсбург.

Между тем началась война с турками. Мой брат Иоганн стоял вначале лагерем у Землина, в котором находились все госпитали. Многие из его лучших друзей погибли; сам он был недоволен и в плохом настроении из-за бездеятельности, в которой армия теряла людей. Позднее его отправили на передовую, где, однако, не случилось ничего значительного, и он прибыл, произведенный в оберлейтенанты, в Мюленбах в Трансильвании на зимние квартиры. Я был очень озабочен; но все же надеялся, что более здоровый воздух Трансильвании¹² снова поставит его на ноги.

1789

В регенсбургском обществе произошли некоторые изменения. На место умершего прусского посланника фон Шварценау прибыл бывший

¹² Область в Румынии (Ред.).

посол в Петербурге, граф фон Герц, старый друг графа Турна, со своей любезной семьей. Мой друг граф Брейнер женился в Вене на дочери министра полиции графа фон Бергена и привез ее с собой в Регенсбург. Семья Диде провела зиму с нами, что было очень приятно. Однако удовольствие мое длилось недолго – в конце февраля я получил печальное известие, что мой самый старший брат скончался 12 февраля от последствий инфекции в Землинском лагере у Мюленбаха. Невыразима была моя печаль, ибо хотя мы и виделись редко, но все же часто переписывались, я предавал все мои настроения и действия его зрелому суждению и охотно следовал его разумным советам. Из его дневника и других бумаг, которые, конечно, могли содержать кое-что интересное, ничего не попало к нам в руки, как сильно мы о том ни просили. Я поспешил к моим родителям в Богемию, чтобы разделить их глубокий траур. Мой приезд был им очень приятен: моя мать, казалось, уже тогда предчувствовала свой уже недалекий конец, она была особенно нежна со мной; моя кузина Луиза Штернберг присоединилась ко мне, чтобы поддержать горевавших родителей. Когда я вернулся в Регенсбург, меня снова призвали к смертному одру. Вторая дочь господина Диде, нежная девочка 15 лет, умерла после долгих страданий от полипа на сердце; в полном сознании она отрешенно говорила о своем конце и отошла в нашем присутствии, спокойно и кротко, не дрогнув ни единым мускулом. Когда родители покинули Регенсбург, я проводил их до Нюрнберга, где встретил свою кузину Луизу, которая из-за недомогания ехала в Шпа. Я удалился в одиночестве во Фрайзинг, чтобы успокоить свою глубоко потрясенную душу: небольшие статьи, которые я тогда писал, свидетельствуют о том моем настроении. Все письма, которые я получил от своей кузины, говорили о революциях, о республиканских выступлениях в Париже, Люттихе, Шпа; все венские письма – о плохом состоянии здоровья императора Иосифа и о волнениях во всех провинциях, особенно в Нидерландах. Мое состояние стало угрожающим, и вскоре после этого, в сентябре, заболел я нервной горячкой, которая помутила мое сознание. Мой молодой друг, барон Фраунберг, теперь архиепископ в Бамберге, прибыл из Мюнхена, чтобы поддержать меня. Мое крепкое телосложение и компетентный врач справились с недугом. Через 6 недель я был в состоянии, хотя еще очень слабый, посетить Мюнхен, откуда мой врач сопровождал меня до Регенсбурга. Я распорядился внести меня по лестнице к графу Хохенталю, где мои собравшиеся друзья приветствовали меня с радостью. Мои силы постепенно воз-

вращались; физический человек был восстановлен, моральный, – напротив, оказался в новых перипетиях.

1790

В самом конце года (30 декабря) скончался епископ Фрайзинга и Регенсбурга. Тут обе партии прошлых выборов вновь встали, как и прежде, жестко друг против друга; выступили те же кандидаты; переговоры были напрасны. Поэтому день выборов был перенесен, и во Фрайзинге они должны были произойти раньше.

Во Фрайзинге отношения были совершенно иными. Продолжавшиеся долгое время споры среди членов капитула так разделили умы, что никто из них не мог получить абсолютное большинство. Курфюрст Баварии, который заключил важные солевые контракты со старшим пастором Берхтесгадена и, желая их еще расширить, достал этому пастору, фон Шроффенбергу, *bullā eligibilitatis* Папы¹³ и теперь вел переговоры с баварскими подданными в капитуле, чтобы заручиться для него голосами. Выбор за пределами коллегии казался мне молчаливым свидетельством того, что внутри капитула никто не считается достойным епископского сана. Поэтому я попытался направить выбор на одного из членов капитула. Но еще до того как, по старой церковной традиции, стали молить Святого Духа о просветлении, *in petto*¹⁴ епископ был уже избран, и *Scrutinium*¹⁵ стал простой формальностью, оглашением выбора; и старший пастор уже спешил в Мюнхене навстречу эстафете, чтобы тут же взять в свои руки епископство. Когда же он прибыл на следующее утро и в соответствии с формулой XVI века произнес: «*Nolens volo, volens nolo, volo ut prosim, nolo ut praesim*»¹⁶, я выступил вперед и сказал, что да будет ему известно, что я предпринял попытку провести выборы внутри коллегии не по личным мотивам, а поскольку это дозволено каноническим правилом «*eligere dignum excluso digniore*»¹⁷, чтобы избежать общего упрека, будто среди столь многих членов капитула ни один не достоин стать епископом. Но поскольку он уже выбран, то может быть уверен, что я с тем же рвением буду посильно служить

¹³ Булла, письменное благословение (*лат.*).

¹⁴ Перевод на итальянский латинского *in pectore*, т.е. в груди, в глубине души, в сердце (*Ред.*).

¹⁵ Процесс выборов епископа делится на три части: предголосование (*pre-scrutinium*), голосование (*scrutinium*) и послеголосование (*post-scrutinium*) (*Ред.*).

¹⁶ Ничего не хочу, как только помогать, а не властвовать (*лат.*).

¹⁷ Достойнейшего из достойных (*лат.*).

интересам соборного капитула, как и епископа. Он воспринял это высказывание дружески и впоследствии оказал мне полное доверие.

Когда я вернулся в Регенсбург, политические обстоятельства сложились иначе. Император Иосиф умер, доверенности императорских выборных посланников стали недействительными, имперский викарий вступил на это место. Бавария и тут теперь вела переговоры в пользу нового епископа Фрайзинга и прислала туда своего канцлера Штайгентеша, чрезвычайно умного и рассудительного делового человека. Для Фрайзингского епископства это объединение было делом большой важности, поскольку план погашения долгов вряд ли мог быть осуществлен без подобной поддержки. Граф Турн, которому я остался верен, сам понял, что если выберут его, то, возможно, ему придется постоянно бороться с сохраняющейся оппозицией. Поэтому когда 31 марта он пришел на выборы, и два члена противостоящей партии принесли ему свои голоса, он поблагодарил их за то и уговорил со всей своей партией перейти на сторону епископа Фрайзинга. Когда противная партия узнала об этом, она также присоединилась к этому, и последовали единодушные выборы *regnum*¹⁸, на которые Святой Дух мало повлиял. А о том, как относиться к большинству, крепко, но как всегда в точку сказал Гёте¹⁹.

Моральное давление, которое на меня было оказано, поставило меня перед необходимостью отправиться летом в Карлсбад для поправления здоровья. Я растворился в пестром водовороте курортной жизни, источники очень сильно мне помогли: но еще до того, как я закончил курортное лечение, я получил эстафету, что моя мать в Праге опасно больна. Я поспешил туда, нашел ее живой, но такой слабой, что она едва могла выказать радость от встречи; отец мой был в чрезвычайном расстройстве, приехал и мой брат. Доктор Иоганн Майер объявил нам, что состояние может продлиться самое большее еще два дня. Она действительно отошла во сне следующим вечером (10 августа), и мы отвезли нашего отца к одному близкому родственнику, пока сами отправились с телом в Радниц, чтобы похоронить мать в семейном склепе.

¹⁸ Здесь: из одного кандидата (лат.).

¹⁹ «Нет ничего отвратительнее большинства: ведь оно состоит из немногих сильных, идущих впереди, из подлаживающихся хитрецов, из слабых, которые стараются не выделяться, и толпы, которая семенит следом, не зная сама, чего она хочет». Из «Размышлений в духе странника» И.В. Гёте в его книге «Годы странствий Вильгельма Мейстера», II, 258 (Прим. К.Штернберга; пер. с нем. С.Ошерова по изданию: Гёте И.В. Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. – М.: Худ. лит-ра, 1979. – С. 268).

Тут как раз наступил беспокойный период времени. Богемские сословия собрались на довольно шумный ландтаг²⁰. Император Леопольд, который при формировании правительства своих наследственных земель пытался прежде всего их успокоить, отменил последние распоряжения императора Иосифа. Велись переговоры о некоторых отмененных им привилегиях, и было обещано прекратить многое, что впоследствии, в силу времени и обстоятельств, оказалось забытым.

Поскольку тогда я еще имел намерение продолжить начатую карьеру и закончить свою жизнь за пределами Богемии, я заключил соглашение с моим братом, предоставив ему имения за меньшую стоимость, чем указано было в кадастре дворянских земель, в обмен на ежегодный *Apanage*²¹, и оставил себе лишь небольшой капитал, который завещала мне из своего имущества мать. После того как устроили мы отца в другом месте и он немного успокоился, я поехал на коронацию императора во Франкфурт.

В последний раз Германия показала себя здесь в блеске и достоинстве. Коронация была прославлена еще и присутствием неаполитанского двора и гессенским лагерем у Бергена, что вызвало революционные волнения в Майнце. Среди немцев, кстати говоря, не было никакого единства, и с левого берега Рейна сюда поплеывали предвестники будущих событий, которых, однако, пока не было слышно в шуме коронации. Курфюрсты и посланники вели за собой многочисленный и помпезный штат придворных; церемония рыцарского посвящения в германские владыки была очень красивой; только император Леопольд не вполне подходил по размеру для короны и мантии Карла Великого. Когда я посетил Римские термы (Römer), где в нишах нарисованы портреты императоров, и нашел лишь одну еще свободную, я записал в своем путевом дневнике: «Должно быть, это дурное предзнаменование?» Я хорошо развлекся, провел также несколько дней после коронации в большом обществе в Цигенберге. И все же дух мой жаждал покоя, и я поехал через Гейдельберг и Мюнхен во Фрайзинг, где жил очень уединенно. Резиденция каноника на горе, которую я получил, открывала прекрасный вид на горы Верхней Баварии. Здесь я сделал себе уютный кабинет, где провел много спокойных часов в размышлениях о ходе (Gang) политического мира, где при безусловном прогрессе знаний все же никак нельзя доказать мо-

²⁰ Земельный парламент из представителей высших сословий (Ред.).

²¹ Апанаж (фр.), денежное содержание, предоставленное в данном случае младшему сыну владетельной семьи (Ред.).

ральное улучшение человеческого рода. Вместе с членом соборного капитула бароном Штенгелем я продолжил работу над планом погашения долгов епископства, который обещал осуществить наш епископ. Зимой я вновь прибыл в Регенсбург, где общество тем временем пополнилось молодой княгиней Таксис, урожденной герцогиней Мекленбургской.

1791

После моего возвращения князь-епископ назначил меня своим тайным советником и объявил мне, что пошлет меня в Вену, чтобы принять имперский заем и положить на стол план погашения долгов епископством Фрайзинга. В марте месяце я поехал в Вену. Само дело не могло вызвать затруднений, но задержка может случиться во всяком предприятии, если вмешиваются посторонние намерения, что здесь как раз и произошло. Пока я пребывал в Вене, один родственник обратил мое внимание на то, что я нахожусь под строгим надзором вновь созданной полиции; сам я этого не заметил. Мой дядя министр, граф Леопольд Коловрат, с которым я поговорил об этом, посоветовал мне просить аудиенции непосредственно у императора и побеседовать с ним, поскольку Его Величество сам возглавлял эту тайную полицию. Следуя этому совету, я прибыл на следующий день для аудиенции, рассказал совершенно откровенно, что произошло. И добавил, что, поскольку это не могло случиться без ведома Его Величества, я прошу назвать мне причину такого внимания, чтобы иметь возможность защитить себя, ибо никакой вины я за собой не знаю. Император ответил совершенно просто: «Это произошло потому, что вы принадлежите к иллюминатам, которым я не доверяю». Я возразил, что это предположение меня очень задает, поскольку я впервые узнал об этом ордене и его сочинениях благодаря преследованиям иллюминатов в Баварии. И хотя я стал масоном в Регенсбурге, но, как только этот орден был запрещен в Баварии и Австрии, я тут же покинул его и отказался от клятвы. Я рассказал о случае с выборами в читательский клуб, когда я был в Швейцарии, и попросил Его Величество свести меня с тем, кто донес на меня. «Так не делается при тайных доносах», – возразил император. А я: «Если тайного доноса достаточно, чтобы сделать подозрительным честного человека в глазах его суверена и в таком городе, как Вена, на глазах всего народа выделять его столь унижительным образом, то суровым долгом суверена было бы предоставить невинно оклеветанному средства и пути, чтобы иметь возможность себя оправдать; я же буду рассматривать себя в качестве аресто-

Император Леопольд II

ванного и оставаться в Вене до тех пор, пока Его Величество не окажет мне эту милость». Император изумился и ответил: «Сейчас я не могу вам сказать, откуда я это знаю, но я посмотрю в своих бумагах; приходите снова через три дня». С этого дня слежка прекратилась, и я пришел в назначенное время. Император шагнул мне навстречу и заявил, что, к сожалению, у него не было времени посмотреть бумаги, но я должен справиться через три дня. И я это сделал в назначенное время, и нашел императора у окна с бумагой в руке (это был список иллюминатов): «Сожалею, что был несправедлив к вам, я спутал имена: тут стоит граф Штаренберг, каноник из Айхштедта». Дело было улажено, но чтобы устроить дела епископства, я должен был, однако, вернуться в Регенсбург и поставить в известность князя-епископа.

Любезная графиня Зайлерн заболела изнуряющей лихорадкой и была направлена врачами в Пизу в Италии, чтобы избежать зимних холодов в Германии. Теперь, в июне месяце, она вернулась оттуда, к сожалению, еще более больной. Как старый друг дома, я много времени был при ней и читал ей целыми часами. Недуг быстро прогрессировал, за чем она наблюдала в полной отрешенности. Последние дни, поскольку она привыкла к моему обществу, я больше не оставлял ее, и она отошла, пока я читал ей дневные молитвы. После этого я уехал на 8 дней к молодой герцогине Таксис в Тишинген, где находилась также ее сестра, герцогиня Хильбургхау-

зенская, чтобы развеяться у этих чрезвычайно любезных женщин; а оттуда – для поправки своего здоровья в Карлсбад и в Прагу на богемскую коронацию. Здесь то давление, которое император Иосиф дал почувствовать сословиям, пробудило давно уснувший *национализм*. Император Иосиф, который хотел все централизовать, пытался зажать и чешский язык; но этот Palladium²² национальности не позволяет украсть у себя ни один народ. Без всякого уговора в залах ожидания при дворе все, кто был силен в родном языке, заговорили по-богемски. Император Леопольд, чье правление в Тоскане распространило благоприятное о нем мнение, сразу заметил положение дел и показал себя готовым защищать права нации; переговоры были начаты, и праздники коронации исчерпали все время.

Положение дел во Франции встревожило Германию и вызвало неудачный конгресс в Пильнице²³. Я поехал со своей кузиной, графиней Циши через Дрезден в Лейпциг. Когда я вернулся в Регенсбург, второстепенные обстоятельства, которые задерживали ссуду под заклад (Belehnung), были уже преодолены князем-епископом. А потому я отправился (в декабре) в Вену, получил от Австрии заем под залог земель графства Ортенбург, которое было вассальным для регенсбургского епископства, передал план погашения долгов епископства Фрайзинга Императорскому придворному совету и вновь вернулся в Регенсбург.

1792

Жизнь в Регенсбурге и положение всей Германии постепенно начали меняться. 1 марта скончался император Леопольд; его скорая смерть обратила на себя внимание; в Вене последовали аресты многих подозреваемых. Император Франц вступил в управление наследственными землями, и в конце апреля французы объявили войну королям Венгрии и Богемии. Эмигранты, которые ранее пребывали на Рейне и Мозеле, рассеялись теперь по всей Германии. Многие собираются в Регенсбурге и из-за различия своих сумасбродных взглядов усиливают смятение в умах. Все было в ожидании того, что предвещало произойти. Император Франц был коронован во Франкфурте, беседовал с королем

Пруссии в Майнце и начал свой несчастный поход в Шампань. И хотя я находился неподалеку в гостях у моих друзей Диде в Висбадене, у меня не было никакой охоты смотреть коронацию во Франкфурте ни последовавшую за ней в Праге. Я пребывал в минорном настроении. Самая старшая дочь графа Герца, Каролина, невеста моего друга, графа Рехберга, в последующем королевского баварского государственного министра, скончалась и погрузила эту весьма дружески настроенную ко мне семью в глубокую скорбь, которую я разделял всем сердцем.

После моего возвращения в Регенсбург мой врач Шефер, надворный советник Валлерштайнов, человек превосходный во всех отношениях, доверительно сообщил мне, что среди его пациентов есть природная сомнамбула, которую я хорошо знаю, и позволил мне посещать ее ежедневно во время пароксизмов. Я вел дневник обо всем, что происходило. То, что она во сне с закрытыми глазами занималась тонким шитьем, иногда высказывала из кровати, садилась за пианино и без нот наигрывала, например, весь второй финал «Дона Жуана» Моцарта с таким пылом и вдохновением, каких я никогда не слышал у нее, играющей в здравом состоянии; что, когда мы позволили умелому арфисту играть песни, она пела эти песни совершенно правильно по тону и такту, я могу засвидетельствовать. Но то, что, как полагали, она во время пароксизмов могла также видеть в качестве видений, было просто реминисценциями из «Посланника» Вандсбекера или других книг, которые она прочла. Болезнь длилась долго; но она вылечилась, вышла замуж, имела детей, и приступы никогда больше к ней не возвращались.

Мой брат Иоахим, который занимался за городом геометрией, высшей математикой, метеорологией и астрономией, сообщил мне, что хочет совершить поездку вместе с аббатом Добровским в Данию, Швецию и Россию, и попросил меня иногда посещать имения во время его отсутствия, что я и обещал.

В сентябре я был вызван по делам в Берхтесгаден к епископу Фрайзинга, который назначил меня своим Canonicus a latere²⁴, место потому мне очень приятное, что освобождало от ежегодного пятимесячного пребывания на службе (резиденции) во Фрайзинге. Я проехал через Мюнхен, Райхеналь и Трауэрштайн, Зальцбург, в Берхтесгаден, чтобы разом осмотреть весь соленосный район, что меня особенно интересовало, хотя я еще не имел ни малейшего представления о геогнозии. В Берхтесгадене мы узнали о занятии

²² Палладий (*лат.*), священный предмет, талисман, охраняющий что-либо (*Ред.*).

²³ В августе 1791 года на конгрессе в Пильнице Австрия и Пруссия заключили договор о поддержке ими французской монархии против революции, что вскоре ввергло обе державы в многолетние кровопролитные войны вначале с революционной Францией, а затем с Империей Наполеона Бонапарта (*Ред.*).

²⁴ Каноник для особых поручений (*лат.*).

Канонада при Вальми

Вердена, на что возлагали большие надежды. В приподнятом настроении я карабкался от замка на озере Варфоломея, где мы жили, по самым высоким горам, пока не убил серну. В октябре я посетил моего отца в Праге и наши имения в Богемии. Когда я вернулся в Регенсбург, пришли ужасные известия о канонаде при Вальми²⁵ и отступлении прусской армии, вплоть до взятия Майнца, Касселя и Франкфурта Кюстином²⁶ в ноябре месяце. В декабре Франкфурт был снова занят Пруссией и Гессеном, Кассель окружен, и большая часть австрийской армии промаршировала через Регенсбург. Многие старые знакомые

посетили меня при этой возможности; в регенсбургском обществе царило оживление, но спокойствие и довольство улетучились. Положение Германии становилось все тяжелее, народы ее были обеспокоены многочисленными передвижениями войск. Хотелось, чтобы духовенство выступило умиротворяющим образом между сторонами и призвало народ к покорности суверенам. Князь-епископ решился напечатать пастырское послание; я получил задание составить его, но оно было издано довольно урезанным высокочтимой консисторией.

1793

²⁵ Артиллерийское сражение при Вальми, известное как «канонада при Вальми», произошло 20 сентября 1792 года у деревушки Вальми в Северной Франции. В ходе боя силы французских армий «Север» (командующий Ф.Дюмуре) и «Центр» (командующий Ф.К. Келлерман) смогли остановить продвижение к Парижу прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского. Канонада при Вальми стала первым триумфом армий революционной Франции и началом возрождения ее военного могущества при Наполеоне I (Ред.).

²⁶ Адам Филипп Кюстин (1740–1793) – граф, французский генерал, участник Семилетней войны и войны за независимость в Северной Америке. В 1789 перешел на сторону революции. В 1792, командуя Рейнской армией революционной Франции, одержал ряд побед, заняв Вормс, Майнц, Франкфурт и некоторые другие населенные пункты (Ред.).

Бесчисленные эмигранты, которых можно было встретить в любом обществе и которым никто не мог угодить, стали очень досажать мне. Ибо при партийности, которая царила между ними самими и которую они прививали везде своей неприкрытой болтовней, человек постоянно находился в ситуации, когда одними мог быть назван ультрароялистом, а другим – якобинцем. Я держался тихо со своими лучшими друзьями, чтобы выпутаться из этой дилеммы. В армии, которые стояли на левом берегу Рейна, миллионами доставлялись талеры австрийской короны, которые ходили пока еще в Германии. Но еще до того, как было предпринято что-то важное, ужасы в Париже дошли до высшей точки, и ко-

роль Людовик XVI был гильотинирован. Эту новость впервые узнали в обществе у графа Хохенталя; все были возмущены; лишь епископ Бристоль одобрительно воскликнул: «Voilà la première fois que les Français ont été conséquents!»²⁷ Это шокировало всех стоящих вокруг; особенно женщины столь ясно выразили свое негодование, что он поспешил удалиться и покинул Регенсбург.

В начале мая меня посетил мой почтенный старый отец; моя кузина Луиза сопровождала его. Ему очень понравилось в моем доме, приятно расположенном на берегу Дуная, и в моем маленьком саду из роз; все мои друзья старались сделать ему его пребывание приятным. Несмотря на некоторые успехи, которые были достигнуты австрийским оружием в Нидерландах, прогноз моего отца о последствиях этой войны был еще более мрачным, чем мой.

Отец мой вернулся в Прагу, а вскоре затем возвратился мой брат из России. Брат, прослышав о поездке лорда Макартни в Пекин, возымел

²⁷ Первый раз французы оказались последовательны! (фр.).

намерение совершить путешествие туда через Кяхту. Он раздобыл рекомендательные письма от английского посольства, но не смог получить подорожную от русского правительства и вынужден был отправиться в обратный путь из Москвы.

В Регенсбурге умер датский посланник барон Эйбен. Барон Диде сохранил свой пост, что было для меня особенно приятно, поскольку я подолгу жил в его доме.

В июле взят был Майнц, а в августе – Валансьен. Продвижение австрийских войск через чужую территорию продолжалось; появились новые соблазнительные надежды.

Я съездил в Мюнхен по делам регенсбургского епископства, и оттуда в Гармиш в графстве Верденфельс, которое принадлежало епископству Фрайзинга; а в октябре – к отцу в Прагу и к своему брату за город, чтобы разделить с ним его впечатления от путешествия, которые меня очень интересовали.

В конце года лишилась головы еще и королева Франции, чтобы дополнить каннибальские безумства выродившейся нации.

(Продолжение следует)